

К статье
К. В. Чугунова.

3/02
AR
9/02
10/02

Юго-восточная часть
кургана Аржан-2.
Стрелками показаны
плиты с петроглифами,
зафиксированные *in situ*
в конструкции ограды.

профиль AR

17 16 8 15 14/02
AN

Плита 8/02, смонтированная из трёх фрагментов
в ограде. Фото *in situ*.

Золотые изделия из
кургана Аржан-2.
Фото В. С. Терехина.

К. В. Чугунов (Санкт-Петербург)

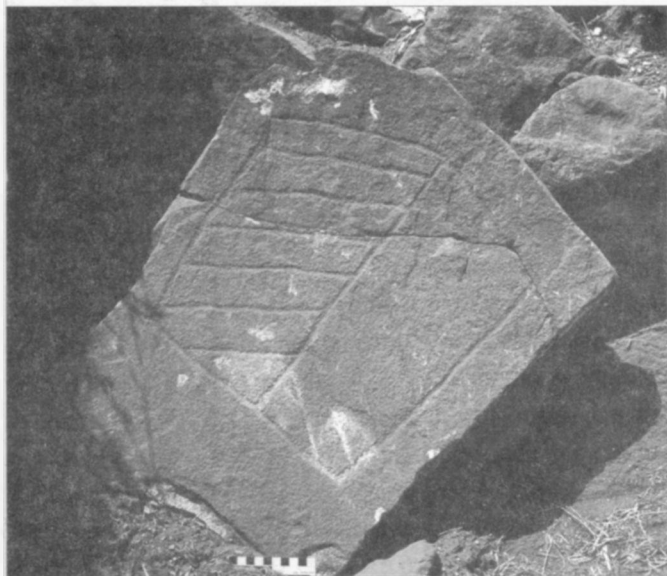
ПЛИТЫ С ПЕТРОГЛИФАМИ В КОМПЛЕКСЕ КУРГАНА АРЖАН-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля)

При исследовании погребально-поминального комплекса Аржан-2, помимо непо потревоженных захоронений кочевой знати, найдено значительное количество образцов древнего наскального искусства. Всего здесь обнаружено 4 оленных камня разной степени сохранности и 34 плиты с изображениями. Памятник относится к алды-бельской культуре раннескифского времени Тувы и достаточно узко датирован на основании данных археологии и радиоуглеродным методом серединой – второй половиной VII века до н. э. [Евразия в скифское время, 2005, с. 85–87; Chugunov et al., 2004, p. 1–7]. Основная задача предлагаемой работы – рассмотреть обнаруженные плиты с рисунками в контексте комплекса памятника и сделать заключение относительно хронологического соотношения с ним этих находок. Часть петроглифических материалов из Аржана-2 уже опубликована [Чугунов и др., 2006, с. 303–311]. В статье, посвящённой находкам эпохи бронзы, сделанным при раскопках памятника, дана версия попадания сюда плит с изображениями, стилистический анализ которых позволил отнести их к доскифскому времени. С большой степенью вероятности они попали в наземное сооружение кургана вместе с камнями, привезёнными для строительства памятника из каменоломни, обнаруженной нами в 2 км к северо-востоку от Аржана-2. Можно предположить, что добыча плитняка началась с разборки скального останца с петроглифами, так как камни с изображениями зафиксированы в основании первоначальных элементов конструкции кургана. Вместе с тем следует учитывать, что однозначно определить, когда выбивались эти рисунки, невозможно [Там же, с. 306–307]. Что касается серии изображений, выполненных в так называемом аржано-майэмирском стиле, то ситуация их обнаружения при раскопках Аржана-2 требует особого рассмотрения. Я. А. Шер, который предложил это наименование для петроглифов раннего этапа скифо-сибирского звериного стиля, дал следующую стилистическую характеристику таким изображениям животных: «Удлинённая голова с округлой челюстью, глаз в виде кружка (иногда – двух концентрических кружков) непосредственно примыкает к линии лба или выступает над ней. Ухо примыкает к линии глаза. Выступ на холке. Поджарый корпус. Иногда на плече или бедре спиральный завиток. Длинные тонкие ноги, нижняя часть которых изображена одной тонкой линией. Подчёркнуто изображение копыта» [Шер, 1980, с. 243]. О рисунках, отвечающих перечисленным признакам, в основном, и пойдёт речь в этой работе.

Прежде чем перейти к описанию петроглифов, найденных в Аржане-2, необходимо кратко осветить некоторые общие моменты, связанные с рассматриваемой темой. Предварительные публикации материалов раскопок [Чугунов и др., 2002; Chugunov et al., 2003; библиографическую сводку публикаций см.: Чугунов, 2005, с. 63–65] избавляют от подробной характеристики этого памятника, поэтому здесь следует остановиться лишь на тех наблюдениях, которые позволяют реконструировать ситуацию попадания плит с изображениями в комплекс.

Археологические работы на погребально-поминальном комплексе велись в течение пяти лет Центрально-Азиатской экспедицией под руководством автора при участии Германского археологического института (руководители Г. Парцингер и А. Наглер). За это время

зафиксировано более 500 м профилей наземного сооружения.¹ Данные стратиграфии и планиграфии свидетельствуют о нескольких последовательных этапах строительства и функционирования кургана. Установление точной хронологии этих этапов невозможно, но об определённой продолжительности существования Аржана-2, как открытого комплекса, говорят неоднократно зафиксированные последовательные подхоронения в сопроводительные могилы при отсутствии следов разборки кладки насыпи, а также прослеженные перестройки некоторых конструктивных деталей сооружения. В частности, на существование в определённый момент первичной насыпи меньшего диаметра указывает анализ залегания глиняных прослоек в профилях кургана. Была также выявлена обводная стена, располагавшаяся за оградой из вертикальных плит. Ограда диаметром 75 м в некоторых местах имела многослойную структуру, что может объясняться закладыванием между рядами плит обнаруженных там ритуальных приношений. Именно с оградой и связаны находки наиболее показательных петроглифов. Расположение некоторых камней с изображениями позволяет предполагать сознательное их использование при устройстве комплекса. Основной вопрос – помещались ли в кромлех выломанные на каменоломне плиты с уже нанесёнными изображениями, или рисунки могли наносить непосредственно в момент его строительства? Для рассмотрения этого вопроса наиболее показателен ряд плит, зафиксированный в юго-восточной части ограды кургана и непосредственно рядом с ней.

Плита 3/02 *in situ*.

Открывает ряд петроглифов на внешней облицовке кромлеха изображение пятиугольной решётчатой фигуры (плита 3/02).² Плита с фигурой установлена вверх приострэнной частью (так, как её изображают на оленных камнях). Рисунок занимает почти всю поверхность плиты. Фигура разделена надвое вертикальной линией, которую соединяют с контуром по шесть наклонных полос с каждой стороны. Отметим, что только две верхние пары полос смыкаются на центральной линии, остальные не совпадают. Показательно, что камень, на котором выбито это изображение, также имеет пятиугольную форму. Местоположение этой плиты – практически самая восточная точка кургана.

Южнее её, рядом с оградой, обнаружено несколько разбитых плит с изображениями. На плите 7/02, найденной в двух фрагментах, выбит олень «на цыпочках» с фаллосом и S-овидными завитками на рогах. Фигура изображена с четырьмя ногами, на концах которых

чётко проработаны копыта. Олень обращён головой вправо. Передние ноги животного заметно короче задних, что может говорить о стремлении художника вписать рисунок в размеры плиты. Древним мастером в технике рельефа показаны клювовидные фигуры на крупе и плече оленя, рельефным валиком обозначена пасть, рельефом же выделен свисающий треугольник – очевидно, длинная шерсть на груди.

Микалентная копия.

¹ Площадь памятника была разбита на 18 секторов (по 20°) относительно базовой точки «А», выбранной максимально близко к центру. Учитывая, что в центре кургана расположена обширная грабительская воронка, а южный край сооружения сильно повреждён, точка «А» была смещена к ЮЮВ от центра. Каждая линия, пробитая от неё, получила наименование по прописной латинской букве.

² В течение всего времени исследования комплекса плиты с изображениями маркировались по единой схеме – номер плиты по порядку их обнаружения/год раскопок.

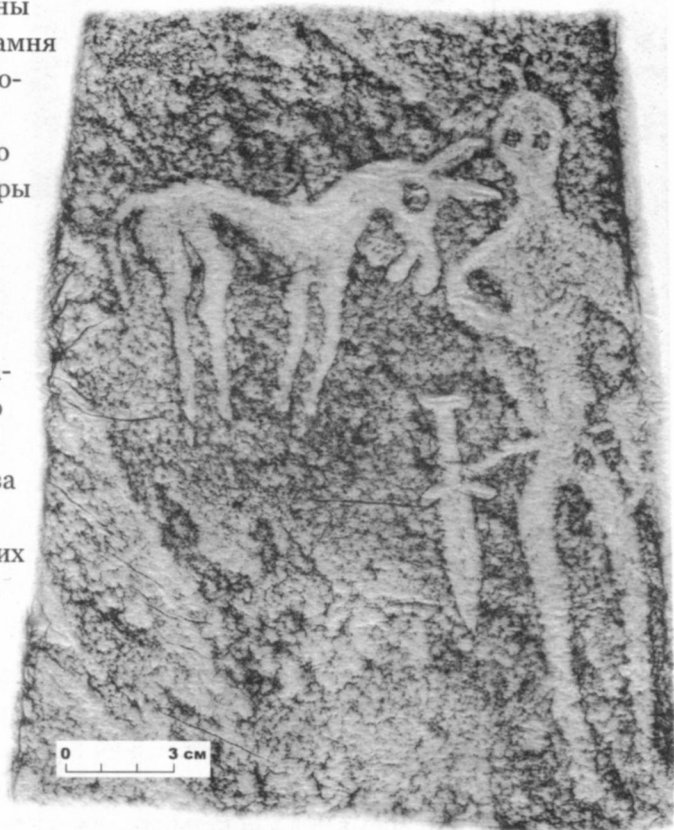
В 3,50 м южнее, также рядом с оградой, обнаружены два фрагмента от плиты **8/02**. Нижняя часть этого камня зафиксирована *in situ* в облицовке ограды в 14 м к юго-западу от найденных фрагментов. Все три фрагмента совмещаются и, несмотря на утраты, на камне хорошо видны выбитые и прошлифованные изображения пары оленей и кабана. Все звери показаны в профиль с четырьмя вытянутыми вниз ногами, головой влево. Центральной фигурой композиции является олень с парой ветвистых рогов, устремлённых вверх. Рога отходят от выступающего глаза зверя. За глазом показано сегментовидное ухо, вытянутое почти до острого выступа на спине. У животного запрокинута голова и приоткрыта пасть. Перед оленем выбита оленуха, поза которой идентична и отличие заключается лишь в отсутствии рогов и изображении двух ушей, отходящих от головы за кругом глаза. Фигура кабана размещена в верхней части плиты перед рогами оленя. Зверь показан с опущенной головой и торчащим вперёд клыком. Рельефный глаз имеет овальные очертания. Копыта на ногах кабана заканчиваются на одной линии с окончанием его опущенной морды.

Ещё одна плита (**12/02**), разбитая на две части, найдена у ограды рядом с профилем AP. На ней изображена фигура лося. Зверь показан с вытянутыми вниз четырьмя прямыми ногами, головой вправо. Его изображение отличает несколько тяжеловесная трактовка головы, где доминирует крупный глаз. От слегка овального глаза отходит рог с семью отростками, расположенный параллельно спине, и ухо под ним. Массивная морда зверя имеет каплевидные очертания, пасть открыта. На холке лося, так же как и у оленей, выбитых на плите **8/02**, показан характерный острый выступ.

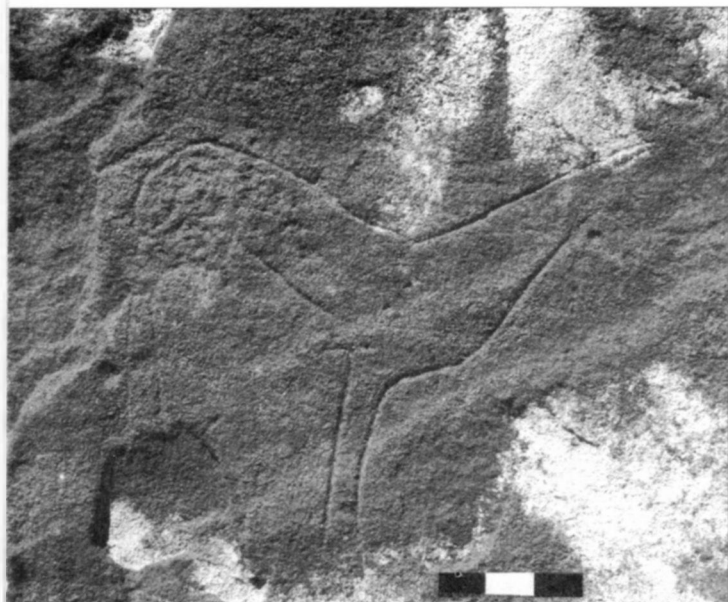
Рядом с этим камнем обнаружена небольшая плитка **13/02** с композицией, изображающей стоящего в фас человека, держащего под уздцы лошадь. Фигура человека показана с направленными вниз ступнями ног, правая рука согнута и опирается в бок, под ней выбит кинжал, соединённый с бедром линией портупеи. К сожалению, по левому плечу фигуры камень отколот. Тем не менее, слева у пояса человека уверенно распознаётся горит, верхняя часть которого показана рельефно. Изображена даже планка-основа, украшенная поперечными насечками. На макушке воина отчётливо заметна процарапанная линия, раздвоенная на конце – вероятно, навершие головного убора. Большую часть «лица» занимают глаза – рельефные круги на фоне выбитого и прошлифованного силуэта головы. Так же исполнен глаз лошади, фигура которой помещена над правым плечом человека. У неё изображены четыре опущенных вниз ноги с проработанными копытами, хвост в виде плавной дуги. На слегка склонённой к плечу воина крупной голове показаны два торчащих уха, в основании шеи намечен треугольный выступ. От открытого рта лошади к согнутой руке человека тонкой линией процарапана дуга повода.

Залегание этих камней в непосредственной близости от внешнего края кургана позволяет предполагать их связь с облицовкой ограды. На это указывают плиты с петроглифами, зафиксированные *in situ* на участке облицовки кромлеха от профиля AR, в который попала уже упомянутая плита **3/02**, до линии AN.

Незаконченное изображение (**плита 9/02**) зафиксировано на вертикальной плите ограды в 2,50 м южнее плиты с рисунком пятиугольной фигуры. Фигура стоящего копытного прочерчена острым предметом на поверхности камня. Линии контура животного глубокие, но есть и слабо-

Плита **13/02**. Микалентная копия.

Плита 9/02.

различные царапины. На бедре фигуры была начата выбивка силуэта, которая по каким-то причинам не была закончена. Судя по гриве и длинному хвосту, художник изобразил лошадь. Если трудно-различимые линии не являются случайными, то не исключено, что она показана взнузданной.

Большая плита (10/02) с отбитой верхней частью располагалась в 5 м южнее предыдущей. Верхнюю часть этого камня, утраченную в древности, обнаружить не удалось. К сожалению, петроглифы сильно пострадали из-за того, что поверхность камня, наклонившегося под воздействием развала кладки кургана, обильно покрыта известковыми натёками. Карбонатная корка, образовавшаяся на плите, отслаивалась вместе с поверхностным слоем песчаника, что постепенно уничтожало линии рисунка. Тем не менее, сохранившаяся часть позволяет в значительной мере реконструировать композицию. На плите изображена колесница, запряжённая лошадьми. Сзади к её кузову пристёгнуты ещё три лошади. Все фигуры животных профильные, направленные головами влево. Лошади выполнены в той же манере, что и на рассмотренной выше плитке 13/02, при этом между фигурами есть различия – у двух лошадей из трёх, привязанных к кузову сзади, показано только две ноги, в то время как у остальных по четыре. От «планового» изображения колесницы сохранилась половина кузова и одно колесо под ним. Кузов показан четырьмя концентрическими линиями, образующими вписанные друг в друга овалы. Площадь его была поделена на четыре сектора прямым крестом, вертикаль которого совпадает с осью колесницы, а горизонталь продолжалась дышлом. Наиболее сохранившийся нижний правый сектор кузова проработан дополнительно: от внешнего контура к наименьшему овалу в середине проведены три дополнительные радиальные линии. То же было сделано и в верхнем правом секторе, от которого сохранился маленький фрагмент. Несмотря на отслоения поверхности камня в нижнем левом секторе, можно утверждать, что здесь таких радиальных линий не было. Вероятно, так художник показал решётчатую структуру в задней части кузова повозки. Колесо изображено в виде глубоко выбитого круглого обода с чётко обозначенной ступицей в центре. Их соединяют спицы, точное количество которых сосчитать сложно из-за утрат поверхности плиты. Можно лишь утверждать, что их было не менее четырнадцати. Дышло отходило от края повозки не менее чем на ширину кузова. Слом плиты прошёл как раз по его линии и точнее определить длину невозможно. Нижняя запряжённая лошадь соединена с кузовом колесницы линией повода, идущей от выступа на её спине и огибающей ноги животного, изображённого выше. Между собой обе лошади также соединены прямой линией. На плите в левой нижней части сохранились выбитые линии, трактовка которых неясна и их связь с общей композицией маловероятна.

Не исключено, что петроглифы были и на других камнях облицовки этого участка кромлеха, однако отслоение поверхности, фиксируемое повсеместно на плитах, уничтожило рисунки.

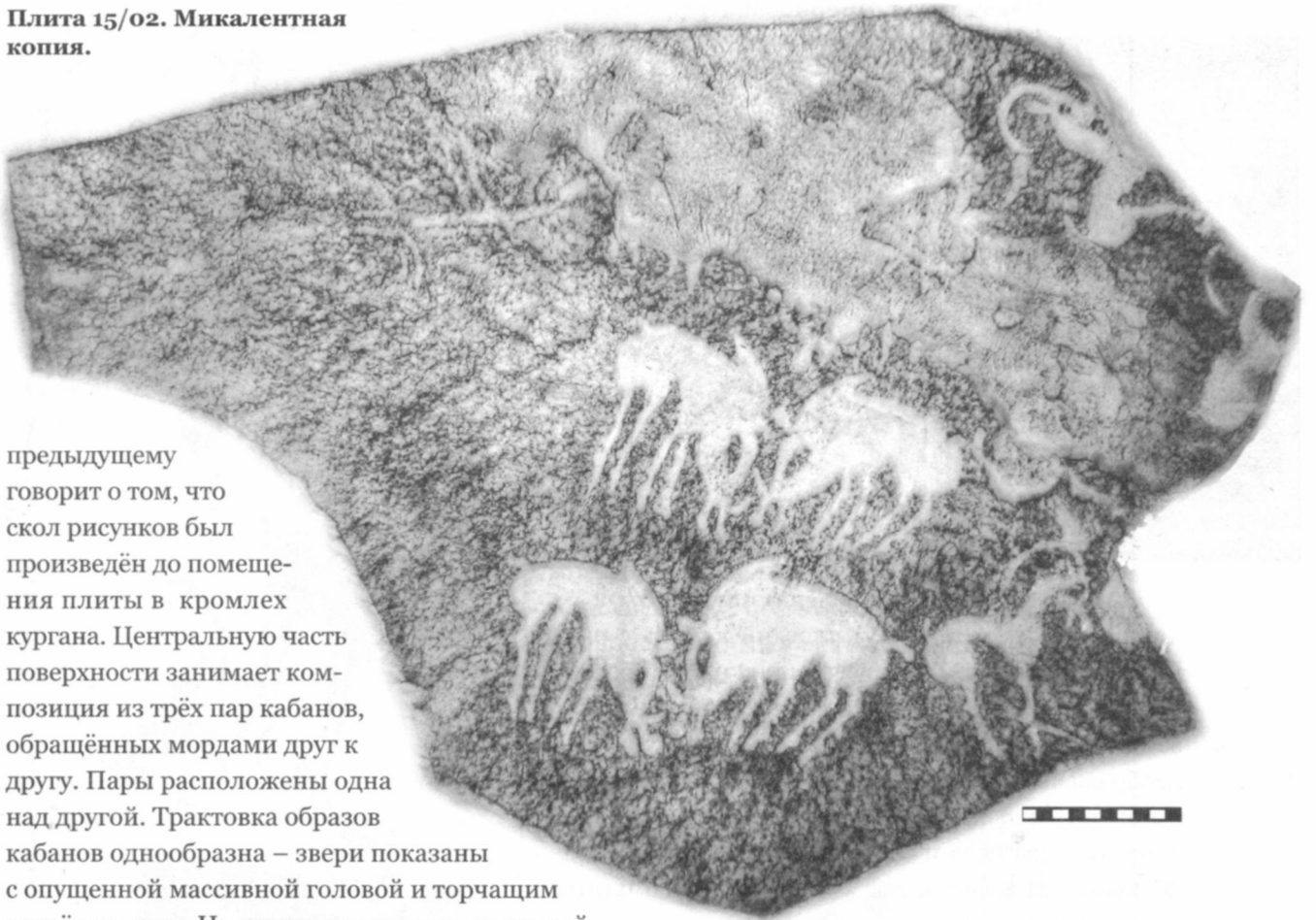
Далее от профиля АР плиты с изображениями стояли подряд на первоначальных местах. Плита 14/02 опубликована [Чугунов и др., 2006, с. 308, рис. 14]. Выбитая на ней профильная фигура лучника, целящегося в верблюда, отличается по стилю от рассмотренных ранее. Вероятно, плита с петроглифами была переиспользована при сооружении кромлеха, причём рисунок наполовину скрыт под землёй.

Плита 15/02, стоящая рядом, сильно заизвесткована, верхняя часть её поверхности отслоилась вместе с рисунками. С правой стороны камень был обломан в древности, отчего часть петроглифов сохранилась фрагментарно. Сразу отметим – расположение камня вплотную к

**Плита 15/02. Микалентная
копия.**

предыдущему говорит о том, что скол рисунков был произведён до помещения плиты в кромлех кургана. Центральную часть поверхности занимает композиция из трёх пар кабанов, обращённых мордами друг к другу. Пары расположены одна над другой. Трактовка образов кабанов однообразна – звери показаны с опущенной массивной головой и торчащим вперёд клыком. На спинах у всех выделен острый гребень, небольшой дугообразный хвост опущен. У четырёх ноги с чётко моделированными копытами, рельефные глаза имеют овальные очертания. Верхняя пара кабанов практически полностью утрачена и о наличии её говорят сохранившиеся кончики копыти и морды зверей. Правее кабанов расположены остатки пяти фигур козлов. Полностью сохранилась только одна, размещённая за нижней парой кабанов. Козёл показан в профиль, головой вправо. У животного две ноги с копытами, на голове – крутой рог, загнутый к основанию шеи, ухо над рельефным круглым глазом торчит вверх. Короткий хвост зверя загнут вверх, пасть приоткрыта. Остальные четыре козла, вероятно, были изображены так же, о чём говорят сохранившиеся фрагменты. Отметим, что эти фигуры композиционно ориентированы на плоскости камня несколько иначе, чем кабаны. В отличие от кабанов, ноги которых направлены к нижней части плиты, стоящей на земле, ноги козлов обращены к правому, обломанному в древности, краю. Надо также упомянуть неясную фигуру, выбитую слева от кабанов.

Следующей стояла уже упоминавшаяся плита **8/02**, два фрагмента которой найдены севернее. Описание её дано выше, здесь же отметим, что основание плиты было вкопано так, что ноги оленя ориентированы к земле.

Плита 15/02. Фрагмент.

Плита 16/02. Прорисовка и фрагменты.

Далее в ограде установлена плита 16/02 — длинный (1,45 м в длину) плоский камень с ровным верхним краем и округлым нижним, с обособленной узкой отдельной плоскостью, вкопанной в землю. На основной и нижней плоскостях плиты изображены фигуры животных. В средней части основной плоскости выбиты три профильные фигуры — два лося и горный козёл. Все копытные обращены головой влево к верхнему краю плиты в позу «на цыпочках». У лосей показаны четыре ноги с обозначенными копытами, у козла — две. Рог его имеет выступы, характерные для сибирского козерога. Под горлом левого лося выбита небольшая схематическая фигура какого-то хищного зверя с вытянутой мордой (волк или собака). Ещё один зверь, тоже, по-видимому, хищник, изображён за этим лосем на нижней плоскости, вкопанной в землю. Эти фигуры животных образуют самостоятельную композицию на камне. Ближе к правому краю поверхность песчаника сильно повреждена и просматриваются ещё как минимум две фигуры. Одна из них, вероятно, изображала лося или оленя с вытянутой задней ногой и согнутой передней. От второй сохранилась только задняя часть с вытянутой вниз ногой. У правого края плиты выбиты ещё четыре фигуры — три козла на нижней плоскости и кабан на основной. Небольшая профильная фигура кабана имеет две ноги, направленных к правому краю плиты. По сравнению с изображениями этих зверей на других плитах, выполнена она довольно схематично и без характерного загровка на спине. Так же схематичен и козёл, расположенный на узкой плоскости сразу под кабаном и ориентированный ногами к земле. Два других козла, выбитые левее, ориентированы так же.

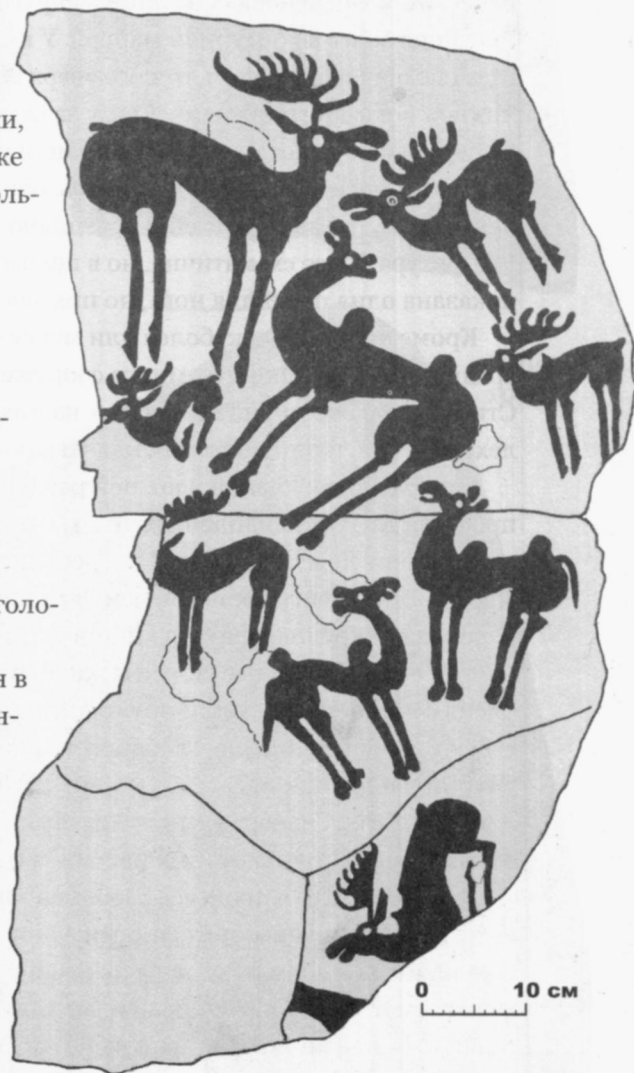
Их фигуры проработаны, как и у козерога на основной плоскости. Отличие в одной детали – здесь художник не показал треугольный выступ на спинах. Оба рисунка животных образуют композицию по принципу зеркальной симметрии.

Последняя в этом ряду плита 17/02 найдена расколотой, но сохранившейся *in situ*. Края камня неровные, со следами древних сколов, поверхность местами сильно заизвесткована. Девять выбитых фигур представлены изображениями лосей и верблюдов. Животные ориентированы ногами к левому краю. Здесь, наряду с уже неоднократно рассматривавшейся ранее позой «на цыпочках», встречены две фигуры лосей с подогнутыми ногами. В отличие от зверей с вытянутыми вниз прямыми ногами, у них показано только две ноги. Три великолепных фигуры верблюдов, выбитых на этой плите, впервые демонстрируют все признаки аржано-майэмирского стиля. У них, как и у лосей, четыре ноги вытянуты вниз, но заканчиваются они не острыми, а округлыми раздвоенными копытами. Верблюдов характеризует более длинная изогнутая шея, два горба на спине и пара ушей каплевидной формы, расположенные над круглым глазом. Животные изображены с довольно длинными хвостами. Несколько рисунков имеют повреждения. У одного из лосей верхнего края плиты отколота голова, у второго повреждена. Эти сколы могли случиться уже после установки камня в ограду, чего нельзя сказать об утрате части изображения лося с подогнутыми ногами в левом нижнем углу. Возможно, рядом с ним также был рисунок, от которого сохранился небольшой прошлифованный участок поверхности камня.

Далее к югу ограда была сильно разрушена, однако там, где сохранились плиты облицовки, изображений не зафиксировано. Исключение составляет плита 6/02, найденная в южной части кромлеха рядом с кладкой ограды и, вероятно, являющаяся упавшей плитой облицовки. Зафиксированные на ней изображения верблюда, змей и антропоморфных фигур выполнены в технике точечной выбивки, но без дополнительной шлифовки. Этот факт, а также стилистика рисунков, позволяет предполагать переиспользование данной плиты с петроглифами более раннего времени при сооружении кургана. Плита опубликована [Чугунов и др., 2006, с. 308, рис. 13].

Возможно, с конструкцией кургана связана плита 4/01 с изображением хищной птицы, обнаруженная рядом с южным разрушенным участком ограды. К сожалению, камень был найден уже перемещённым, и его первоначальное положение в кладке осталось неясным. Крупная фигура хищной птицы размещена в центре плиты треугольной формы. Выбивка рисунка точечная, редкая. Профильное изображение птицы с повернутой головой распознаётся только с учётом известных аналогий.

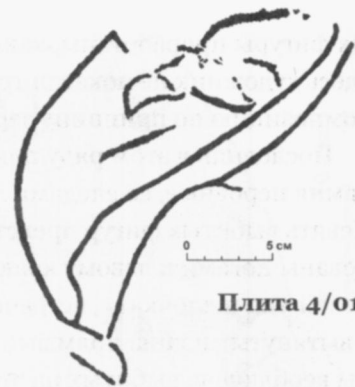
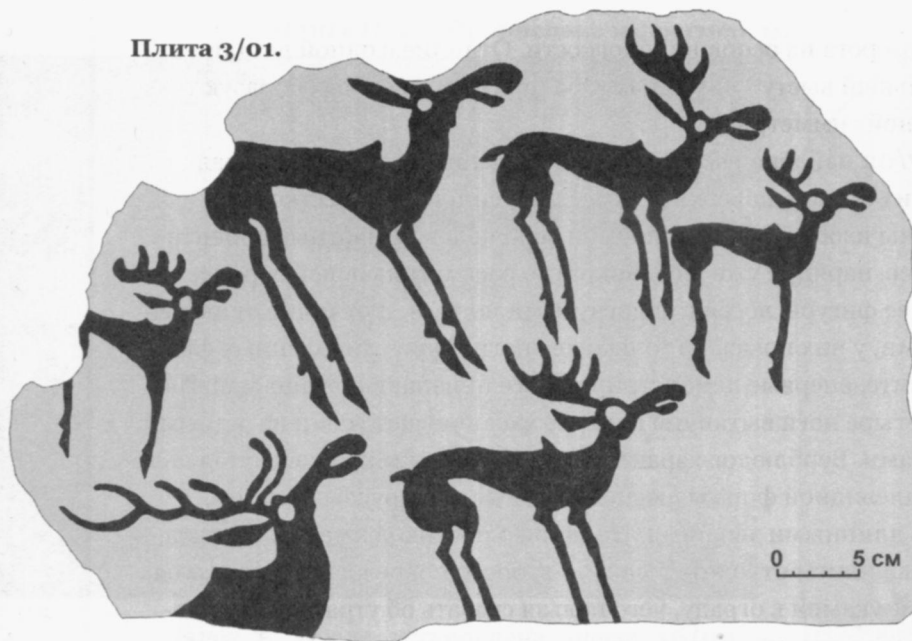
Ещё один камень с выбитым рисунком зафиксирован в конструкции из вертикально вкопанных плит, расчищенной в юго-западной части кургана. Это сооружение осталось не до конца понятным, так как никаких находок здесь не обнаружено. Вертикально установленные плиты окружают здесь почти такую же площадь, как и конское захоронение в юго-восточном секторе. Н. А. Кушакова, сопоставив на широкой территории материалы ритуальных приношений деталей конской узды в курганах раннескифского времени, высказала предположение, что эта конструкция каким-то образом связана

Плита 17/02. Прорисовка.

Плита 3/01.

Плита 4/01.

Плита 20/02.

с подобным культом [2007]. На одной из вкопанных плит здесь обнаружено изображение двух козлов (плита 20/02), выполненное в несколько иной манере, чем рассмотренные ранее. Животные показаны один за другим головой вправо.

Рисунок выбит в контурной манере. У переднего зверя голова проработана более тщательно – глаз обозначен колечком, от него вверх поднимается и круто загибается к шее рог, за ним тонкой линией показано острое ухо. Сразу за глазом, выполненным в виде кольца с точкой внутри, голову пересекает полоса, отделяющая морду козла от шеи. У животного параллельными линиями показаны ноги. Линии, не смыкаясь, образуют две задних ноги, и, напротив, соединяясь в районе колена, показывают одну переднюю согнутую ногу. За ним вплотную выбит ещё один козёл. Его фигура более схематична, но в целом повторяет манеру первого изображения. У него также показана одна передняя нога, но прямая.

Кроме этих находок, более или менее соотносимых с элементами конструкции памятника, среди камней кладки наземного сооружения обнаружена ещё серия камней с петроглифами. Стиль изображений на некоторых из них соотносится с приведёнными выше находками в кромлехе кургана, и они должны быть упомянуты в данной работе.

При разборке кладки в южной разрушенной части кургана (в 7,5 м от ограды и в 6,5 м от профиля АК) была найдена плита 1/00 с многочисленными изображениями на одной из сторон. Камень лежал на уровне погребённой почвы и был обращён рисунками к её поверхности. Изображения фигур животных и людей на плите выполнены силуэтно и контурно. Центральный персонаж – крупная фигура хищника с зубастой пастью и высунутым языком – заключает внутри себя рельефные силуэты животных. Среди контурных рисунков очень выразителен олень с ветвистым рогом и опущенными вниз четырьмя ногами. Кроме того, на плите присутствуют изображения двух кабанов, а также другие фигуры. В публикации этой композиции [Чугунов и др., 2006, с. 310, 311, рис. 16] были приведены аргументы хронологического определения выбитых изображений. В связи с темой данной работы очень важно попытаться сопоставить особенности некоторых рисунков на этой плите с аржано-майэмирским стилем.

В секторе ADE в процессе разборки кладки наземного сооружения обнаружены три плиты с выбитыми на них изображениями. Одна из них – плита 3/01 – должна быть описана подробно. Она найдена в 4,2 м от ограды на уровне погребённой почвы. Камень полукруглой в плане формы лежал изображениями вниз. На плите тщательно изображены шесть фигур копытных, стоящих «на цыпочках» – ряд из четырёх в верхней части камня и две под ними. Сам камень выколот из скальной плоскости, о чём свидетельствуют утраты частей фигур. Все профильные,

Плита 12/02

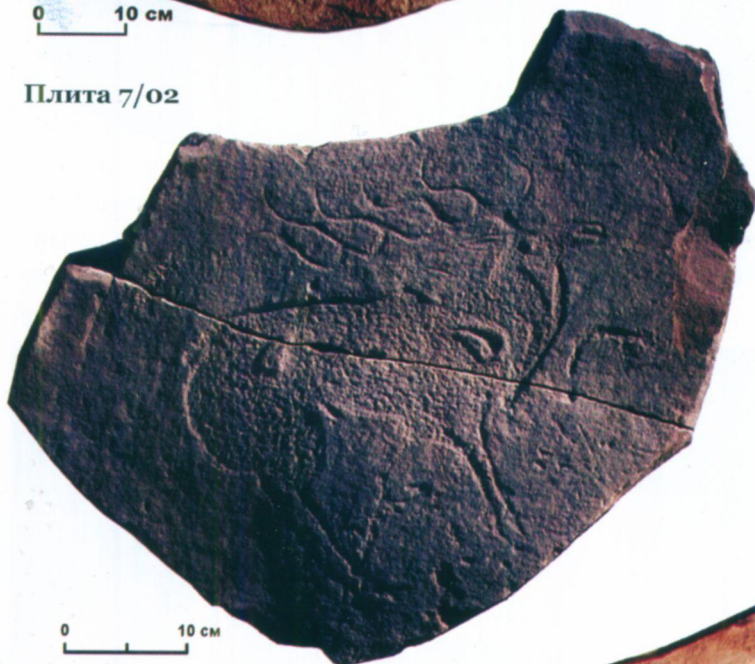

К статъе К. В. Чугунова.

Плита 13/02

Плита 7/02

Плита
10/02

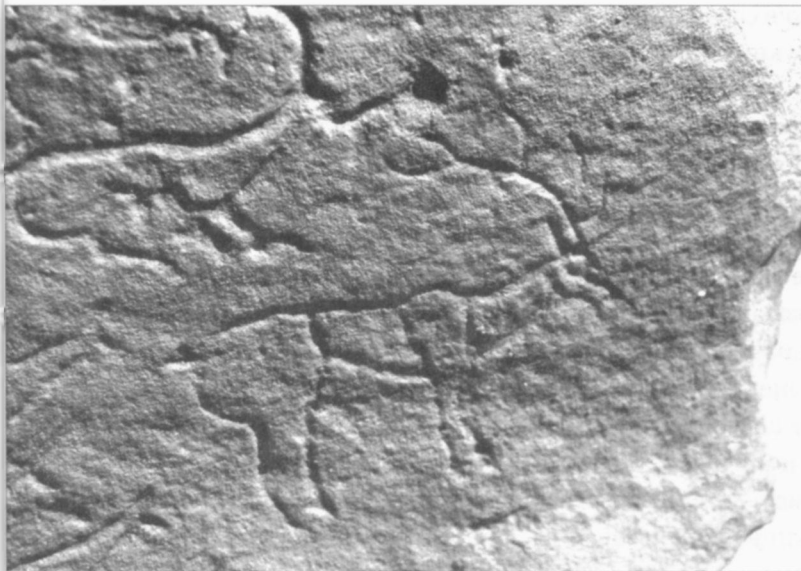

К статъе К. В. Чугунова.

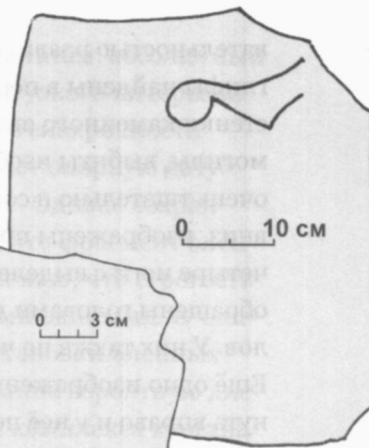
Плита с петроглифами в конструкции могилы 13.

Плита 1/00.
Фрагмент.

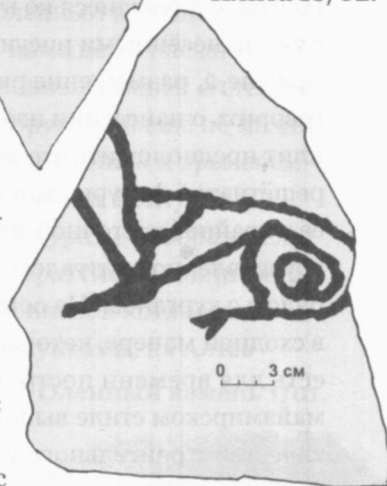
Плита 1/03.

0 3 см

Плита 19/02.

Плита 18/02.

0 3 см

направленные вправо фигуры выполнены точечной выбивкой с дополнительной шлифовкой. В нескольких местах прослеживаются тонкие линии первоначальной разметки. Трактовка рогов левого нижнего копытного позволяет определить его как оленя. Рога остальных фигур имеют широкую лопасть без передних отростков, что характерно для лося.

Интересны также некоторые небольшие плитки с фрагментированными или незавершёнными изображениями. В секторе AKL найдены два камня с изображениями – небольшая плитка **18/02** с чёткой, без следов патинизации, выбивкой фигуры животного (голова отбита) со спиральным завитком на крупе и небольшой фрагмент от рисунка оленя (плита **19/02**) с передними отростками рогов и мордой. Плита с незаконченным изображением животного (**1/03**) обнаружена среди камней наземного сооружения в секторе ARS. В данном случае интерес представляет то, что рисунок начали выбивать с туловища – на камне изображён поджарый корпус животного.

Ситуация залегания перечисленных плит позволяет предположить использование их в кладке в качестве строительного материала. То, что большинство из них найдены непосредственно на погребённой почве, даёт дополнительную информацию о последовательности сооружения конструктивных элементов памятника. Такое их расположение может быть объяснено тем, что, как уже отмечалось выше, добыча камней для строительства вероятно началась со скального останца с петроглифами. Плиты, отколотые от него и привезённые к месту возведения кургана, должны быть уложены в первоначальные элементы конструкции. Не случайно планиграфия находок камней с петроглифами на площади кургана показывает их залегание, в основном, рядом с оградой или местоположением обводной стены – изначальной архитектурной основы памятника.

Завершая рассмотрение наскальных рисунков, найденных при раскопках Аржана-2, следует остановиться на ещё одном, пожалуй, самом показательном, случае. Петроглифы обнаружены в женской сопроводительной могиле 13, расположенной на площади кургана к юго-западу от основного захоронения. Эта могила является одним из самых ранних сопутствующих погребений. Она была устроена либо одновременно, либо чуть позже погребения «царя» ещё до возведения первичного наземного сооружения. На это указывает и стратиграфия, и то, что именно к этому каменному ящику (могила 13в) был позже пристроен ещё один (могила 13а), а на краю этого, в свою очередь, устроено дополнительное захоронение (могила 12). Хронологический разрыв между перечисленными действиями не мог быть слишком велик и обусловлен последо-

вательностью развития комплекса. Однако в связи с рассматриваемой темой важно, что петроглифы найдены в первоначальных конструкциях памятника. На одной из плит юго-западной стенки каменного ящика 13в, одновременно являющейся перегородкой между двумя отсеками могилы, выбиты изображения четырёх горных козлов и трёх кабанов. Рисунки выполнены очень тщательно и совершенно не патинированы. В центре треугольной плиты, вкопанной углом вниз, изображены профильные фигуры козлов в позе «на цыпочках». У животных показаны по четыре ноги с выделенными копытами, рога имеют характерные выступы. Две пары козлов обращены головами друг к другу. Крупные фигуры кабанов расположены по обе стороны от козлов. У них также по четыре ноги и они показаны мордами к центральной группе животных. Ещё одно изображение кабана маленьких размеров помещено над козлами. Его фигура повернута вправо и у неё показано только две конечности. У всех кабанов рельефные глаза овальной формы. Расположение животных на плите позволяет предполагать продуманную композицию рисунка – три фигуры кабанов обращены ногами к четырём козлам в центре.

Суммируя рассмотренные выше материалы – плиты с петроглифами, найденные в кургане Аржан-2, – их можно разделить на две группы: использованные вместе с другими камнями как строительный материал и сознательно помещённые в контекст погребального комплекса. Плиты, относящиеся ко второй группе, возможно, также были принесены и помещены в курган с уже нанесёнными рисунками. Во всяком случае, местоположение камней с петроглифами в Аржане-2, размещение рисунков на плитах и их сохранность не даёт возможности уверенно говорить о нанесении изображений специально для этого комплекса. Однако для некоторых плит предположить это можно. Прежде всего, это плита 3/02 с изображением пятиугольной решётчатой фигуры, для которой был подобран камень соответствующей формы. Расположение её в крайней восточной точке ограда не может быть случайным. Здесь, несомненно, было место, обусловленное ритуалом для этого символического знака, который мог быть изготовлен прямо рядом с курганом. На остальных плитах нанесены изображения животных, причём в основном в сходной манере, которая, как принято считать, характерна для раннескифского времени, то есть для времени постройки кургана Аржан-2. Однако, как показано выше, в том же аржано-майэмирском стиле выполнены рисунки и на некоторых обломках плит, использованных в качестве строительного материала. Прежде чем попробовать разобраться в этом противоречии, необходимо рассмотреть некоторые общие вопросы, связанные с хронологией аржано-майэмирского стиля в искусстве ранних кочевников.

Вопрос возраста наскальных рисунков – один из наиболее сложных в изучении древнего искусства. Исследователи-петроглифоведы предлагают различные подходы к его разрешению, многие из которых в большей или меньшей степени «работают», но, надо признать, часто не лишены субъективности. Трудности заключаются в специфике наскального искусства, в том, что местонахождения петроглифов являются открытыми комплексами, рисунки на них выполнялись не одно тысячелетие и зачастую подновлялись и копировались в более поздние эпохи. Из небольшого арсенала методов датирования петроглифов, стратиграфический является наиболее объективным [Шер, 1980, с. 170–172]. В связи с этим большое значение имеет каждый случай находки петроглифических изображений в закрытом, хорошо датированном археологическом комплексе. Однако сам по себе факт нахождения рисунка под насыпью кургана или в культурном слое поселения позволяет определить лишь *terminus ante quem* – верхнюю дату, позже которой он не мог быть создан. Очень важно учитывать контекст находки, расположение её в комплексе, степень сохранности самого памятника. Широко известна дискуссия, развернувшаяся в связи с находкой фрагмента оленного камня в сильно повреждённом наземном сооружении кургана Аржан. Олени и кабаны, показанные на обломке стелы в профиль, со свисающими ногами, изображённые контурной линией и сплошной выбивкой, и дали (вместе с аналогичными литыми рисунками на бухтарминском зеркале с Алтая) название наиболее раннему пласту скифо-сибирского искусства – аржано-майэмирский стиль [Шер, 1980, с. 243–249]. В последнее время проведена большая работа по радиоуглеродному датированию

образцов дерева из этого ключевого памятника. Согласно полученным результатам, абсолютный возраст погребальной конструкции кургана Аржан располагается в пределах узкого интервала от 822 до 781 гг. до н. э. [Зайцева и др., 2007, с. 251–262]. В связи с этим вопрос синхронности аржанской стелы комплексу памятника очень важен, так как решение его даёт опорную дату для целого пласта петроглифов, выполненных в аржано-майэмирском стиле. Однако сохранность наземного сооружения кургана к моменту исследований была такова, что фрагмент оленного камня мог попасть в неё случайно в любое время [Ковалёв, 1987]. Возможно, что строгость такого подхода чрезмерна и синхронность стелы можно доказать косвенными данными. В частности, это следует из анализа планиграфических особенностей традиции установки оленных камней и стел в регионе [Чугунов, 2007]. Кроме того, надо принять во внимание вероятную дискретность формирования и функционирования погребально-поминального комплекса кургана Аржан, на что уже указывалось [Савинов, 2002, с. 46]. Соответственно и установка оленного камня, и утрата им обрядовой значимости, и последующее попадание его обломка в насыпь, могли произойти в процессе разных этапов ритуальных действий на кургане. Аналогичная ситуация зафиксирована при исследовании погребально-поминального комплекса Аржан-2, где обнаружена стела на первоначальном месте, перекрытая кладкой кургана в процессе возведения окончательного наземного сооружения [Чугунов, 2007, с. 111]. То есть, оленный камень на определённом этапе ритуальных действий утратил своё значение и мог быть помещён в насыпь как строительный материал. Таким образом, сам факт находки обломков оленных камней и стел в наземных сооружениях курганов и конструкциях иных погребальных сооружений ещё не может говорить о значительном хронологическом разрыве между комплексом памятника и временем изготовления изваяния. Однако могли иметь место и обратные действия, когда в ритуале сознательно использовались однокультурные, более древние или инокультурные изобразительные памятники. Отметим, что и в доскифское время существовала такая практика. В Монголии известны плиточные могилы, составленные из оленных камней; в Минусинской котловине – окуневские захоронения, изобилующие выбитыми и гравированными рисунками; на Алтае – каменные ящики каракольской культуры, где наряду с синхронными росписями есть и вторично использованные плиты с петроглифами. Вероятно, так в археологическом материале нашли отражение некие ритуалы, связанные с наскальным творчеством и его значением в мировоззрении древних обществ.

Вопросы хронологии изображений в аржано-майэмирском стиле, несомненно, связаны с датировкой оленных камней саяно-алтайского типа (тип II по Д. Г. Савинову [1994, с. 126–131]), которая, по мнению большинства исследователей не выходит за пределы раннескифского времени. Надо отметить, что на стелах, обнаруженных в Аржане-2, зафиксировано три выбитых рисунка животных. На оленном камне (1/01), перекрытом кладкой кургана, под изображением диадемы расположены одна под другой две маленькие профильные фигуры – горного козла и кабана. Несмотря на схематизм, манера их исполнения близка аржано-майэмирскому стилю. Животные показаны с вытянутыми вниз ногами, рог козла снабжён характерными выступами, у кабана – острый выступ на спине. На фрагменте большой стелы также сохранился один рисунок. Копытное животное показано тоже довольно схематично. Оно выполнено контурными линиями, расположено головой вверх под изображением кинжала на лицевой стороне оленного камня. Зверь (можно предположить, что это козёл) показан в позе «на цыпочках», копыта обозначены, от глаза отходит небольшой рог и ухо. На месте, где обычно расположен выступ на спине, особыми поперечными линиями выделена лопатка. Как видим, и здесь налицо формаль-

Оленный камень 1/01.

ные признаки аржано-майэмирской стилистики. Однако если сопоставить рисунки на оленных камнях и на плитах из Аржана-2, то очевидна разница в манере исполнения, которая может объясняться хронологическими причинами. Изображения зверей на камнях ограды выполнены в подавляющем большинстве случаев чрезвычайно тщательно и с большим мастерством. Техника, в основном, едина: рисунки выбивались и шлифовались, глубина выбивки очень равномерна, контуры изображения чёткие. На некоторых, наиболее сохранившихся плитах видны тонкие, процарапанные линии разметки (плита 3/01) и дополнительных деталей изображения (плита 13/02). Таких петроглифов большинство, но есть и рисунки, выпадающие из общего ряда «классических» произведений аржано-майэмирского стиля. Рассмотрим их особо, так как именно они при сопоставлении с другими материалами Аржана-2 помогают вплотную подойти к хронологии развития стилистики петроглифов.

Изображение оленя, исполненное в несколько отличной от прочих рисунков манере, нанесено на плите 7/02. Здесь выбитая фигура зверя дополнена рельефными деталями – клювовидными завитками, треугольником на груди, пастью – что не характерно для других рисунков из Аржана-2. Отметим также, что только у этого оленя показан фаллос. В то же время формальные признаки аржано-майэмирского стиля соблюдены. Художественное решение этого рисунка напоминает металлические изделия из комплекса кургана. Клювовидные фигуры, сделанные из проволоки, украшают золотую бляху в виде барана, найденную в одной из сопроводительных женских могил. Такие же знаки вырезаны на бедрах и плечах зверей, изображённых на стержнях женских шпилек из основного захоронения.

Обратившись к рассмотрению предметов прикладного искусства из погребений Аржана-2, можно утверждать, что в комплексе кургана присутствуют художественные изделия, выполненные в традициях аржано-майэмирской стилистики. По манере исполнения они выделяются в особую группу, которая может прямо восходить к традициям наскального искусства [Чугунов, 2004, с. 275]. Один из наиболее ярких примеров – навершие мужского головного убора из основного захоронения кургана, изготовленное в виде стоящего «на цыпочках» оленя. В такой же позе выполнены олень на одной из шпилек и фигура барана на стержневидной застёжке портупей чекана. Золотая аппликация в виде головы оленя на луке, благодаря плоскостному исполнению, точно воспроизводит образ этого животного в петроглифах.

В то же время, даже если сравнивать самые похожие изображения животных, выполненных в металле, с рисунками в «классической» аржано-майэмирской манере, то выяснится, что они отличаются в деталях. В частности, у золотых копытных глаза имеют каплевидную форму, а не округлую, характерную для наиболее ранних петроглифов. У всех оленей и кабанов на оленном камне из Аржана глаза кольцевидные. Можно предположить, что этот приём имеет хронологическое значение. Если это так, то выбитые на плитах ограды Аржана-2 кабаны с их овальными глазами датируются более поздним временем, чем изображения на фрагменте оленного камня из Аржана. Этому не противоречит размещение фигур кабанов на плоскостях камней и, в основном, содержательность этого образа на плите. Действительно, три пары противостоящих кабанов на плите 15/02 могли быть выбиты позже козлов, фигуры которых были повреждены при выламывании камня. Это же можно предположить и для композиции на плите 8/02 – изображение кабана в верхней части, возможно, более позднее и было сколото уже после установки камня в ограде. Особое место занимает плита с изображениями кабанов и козлов, найденная в конструкции каменного ящика могилы. На её поверхности – полное отсутствие следов выветривания и «пустынного загара», что позволяет предполагать синхронность рисунков комплексу погребения. Однако образы козлов здесь трактованы так же, как и на плите 16/02, с соблюдением всех канонів аржано-майэмирской стилистики. Соответственно, если быть полностью корректными в анализе источников, и здесь нельзя исключить факта переиспользования.

Ещё один образ, датировку которого можно попробовать уточнить, это изображение лошади. Петроглифы, изображающие этого животного, найдены на трёх плитах. Гравированный рисунок (плита 9/02) выполнен в другой стилистике и технике, так что нельзя исключать, что он мог быть нанесён на камень даже позже сооружения кургана. Что касается двух других, то здесь

лошади изображены в составе продуманных композиций: в одном случае вместе с человеком (плита 13/02), в другом – с колесницей (плита 10/02). Колесницы, показанные «в плане», по мнению подавляющего большинства исследователей, датируются эпохой поздней бронзы. Решётчатая задняя часть кузова, правда, несколько иной конфигурации, зафиксирована у одного из многочисленных изображений Калбак-Таша [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 628]. Здесь запряжённые лошади показаны «в профиль», а за кузовом расположена антропоморфная фигура (образ её типичен для эпохи бронзы), рука которой вроде бы перекрывает колесницу. К сожалению, у плиты из Аржана-2 утрачена верхняя часть и осталось неизвестно, как были расположены лошади с другой стороны от дышла – «в плане» или «в профиль». Стилистика образа этих животных ближе всего к некоторым изображениям на оленных камнях Монголии. Особенно характерны два торчащих вверх уха на массивной голове. Оленные камни с фигурами лошадей часто включают изображения оленей монголо-забайкальского типа [Волков, 2002, табл. 4–1; 39–3; 40–2; 126–1; 127–2]. Это подтверждает и находка оленного камня, сделанная недалеко от Аржана-2 под горой Кош-Пей, на задней грани которого выбита фигура лошади в такой же стилистике, но с подогнутыми ногами [Килуновская, Семёнов, 1998, с. 145, рис. 2]. А. А. Ковалёв на основании атрибутов, выбитых на нём, определяет его дату в пределах VIII–VII вв. до н. э. [2000, с. 167].

Однако ключом к хронологическому определению колесницы из Аржана-2 является вторая композиция с лошастью – плита 13/02, где, помимо животного на камне выбит воин – единственное, насколько мне известно, изображение человека в аржано-майэмирском стиле. Трактовка глаз и оттянутых ступней ног, а также единая техника исполнения, не оставляет сомнений в одновременности всей композиции. Датировать изображения на этой плитке можно по рисунку кинжала у правого бедра воина. Оружие имеет перекрестие в виде свисающих «усиков», брусковидное или валиковое навершие рукояти и листовидный абрис клинка. Такие кинжалы найдены в кургане Аржан и раннетагарских могилах Среднего Енисея. Соответственно и дата композиций с лошадьми из Аржана-2 может быть определена от рубежа IX–VIII вв. до н. э. до начала VII в. до н. э. Косвенно на более раннее по отношению к датировке комплекса время создания этих рисунков указывают и найденные в основной могиле кинжалы с совершенно иным – почковидным и зооморфным – перекрестием и повторяющим его по форме навершием рукояти.

В связи с таким определением даты найденной плиты с изображением колесницы нельзя обойти вниманием известный оленный камень из Дарви сумона [Волков, 2002, с. 93, рис. 6; табл. 103–2]. Стела, на задней плоскости которой выбита колесница, относится к кругу оленных камней саяно-алтайского типа и установлена около херексура с «лучами». Изображения лошадей на этом камне несколько отличны от трактовки образов этих животных на плитах Аржана-2. Рисунок серьги с конусовидным подвесом позволяет предполагать ещё более позднюю датировку её изображений, так как такие украшения характерны для раннескифского времени, начиная с VII века до н. э. В частности, в Аржане-2 найдены десять таких изделий. Это согласуется и с хронологическим определением херексуров с «лучами», предложенными в последнее время в пределах периода начала эпохи ранних кочевников, верхней датой которого является VII в. до н. э. [Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 99–105].

Из плит с петроглифами, найденных *in situ* в юго-восточной части кромлеха Аржана-2, осталось рассмотреть две – 16/02 и 17/02. Первая плита по своей форме и ориентации на её плоскости основной композиции напоминает стелу, установленную на бок в конструкцию кургана. При этом часть рисунков на её узкой плоскости оказалась зарытой в землю. Это позволяет предполагать переиспользование плиты с более древними петроглифами. Единственное изображение, ориентированное в противоположную основной композиции сторону, которое могло быть добавлено позже – небольшая фигура кабана. Она довольно схематична, но отсутствие на спине животного характерного выступа сближает трактовку этого образа с изображениями кабана на металлических изделиях из комплекса кургана.

Про плиту с выбитыми рисунками лосей и верблюдов можно сказать то же самое, тем более, что в этом случае присутствуют утраты изображений у нижнего, вкопанного в землю, края. Хочется ещё раз отметить, что образы верблюдов, выполненных по канонам аржано-майэмирской стилистики, уникальны по выразительности и качеству исполнения.

Некоторого комментария требует находка плиты 4/01 с изображением птицы, сидящей в профиль с повернутой назад головой, размещённой на фоне контура тела. Такой образ впервые встречен в Туве и является самым восточным из числа подобных рисунков, известных на Алтае и Тянь-Шане. Среди художественно оформленных изделий из Аржана-2 есть изображения птицы с повернутой назад головой, однако трактованы они иначе. Полное совпадение с представленным на плите рисунком демонстрируют золотые бляшки из Чиликтинских курганов. Представляется, что после находки этой плиты хронологическое соотношение Аржана-2 с этими богатейшими памятниками Восточного Казахстана стало определённое, и связь между двумя территориями подтвердилась ещё раз.

Таким образом, найденные в комплексе Аржана-2 петроглифы, выполненные в аржано-майэмирском стиле, в подавляющем большинстве уже были нанесены на плиты, использованные при строительстве кургана. Вероятно синхронными памятнику могут быть плита 3/02 с пятиугольной фигурой и плита 7/02 с оленем. Не исключено, что некоторые рисунки на плитах могли быть дополнены также в процессе установки их в конструкции Аржана-2. Так это или нет, но в любом случае здесь мы имеем яркий пример сознательного использования петроглифов в погребально-поминальной обрядности. Вероятно, при заготовке камней плиты с изображениями старались сколоть как можно аккуратнее. Это не всегда получалось, и мелкие обломки попали в основание наземного сооружения, а крупные – в кромлех, причем в определённую ритуалом юго-восточную его часть.

Остальные рисунки в аржано-майэмирском стиле могут быть синхронны кургану Аржан или выполнены чуть позже его постройки, что само по себе указывает на относительное положение двух памятников на хронологической шкале. Плиты с изображениями, отличающиеся по стилю и технике, датируются ещё более ранним временем. На некоторых из них можно наблюдать рисунки, свидетельствующие о зарождении стилистики раннескифского времени на территории Тувы уже в эпоху бронзы.

Наиболее яркий пример – плита 1/00. Хищник с высунутым языком – центральный персонаж, вокруг которого группируются остальные рисунки, – заключает в своём контуре несколько рельефных силуэтов животных. Образ его ассоциируется с изображениями так называемого хэланьшаньского зверя, которые датируются достаточно узко по находкам таких рисунков на предметах в комплексах типа Наньшаньгэнь в пределах IX–VIII вв. до н. э. [Ковалёв, 2000, с. 157]. Заметим, что рубежом этих столетий датируется курган Аржан, где аржано-майэмирский стиль изображений присутствует в уже сложившемся виде. Контурный рисунок оленя на плите 1/00 из Аржана-2 не вполне отвечает канонам стиля, а демонстрирует скорее этап его формирования. Голова зверя моделирована двумя изогнутыми параллельными полосами и выступающим сверху глазом, тело разделено поперечными линиями, выделяющими бедро и плечо, над плечом на спине плавный изгиб, опущенные ноги не имеют линии в основании и как бы разрывают контур фигуры. Так же, но более схематично, выполнен второй олень на этой плите. Кроме того, в таком же стиле выполнены фигуры козлов на плите 20/02. Таким образом, можно предположить, что здесь выявляется определённая традиция изображений копытных, которая предшествует аржано-майэмирскому стилю.

Особого внимания заслуживают силуэтные рисунки кабанов на плите 1/00, которые ещё в большей мере подтверждают это предположение. Звери узнаются по характерной острой холке и торчащему клыку. В остальном изображения этих животных отличны от кабанов, выбитых в аржано-майэмирском стиле: фигуры более удлинённые, ноги согнуты, голова с пастью, моделированной двумя параллельными полосами. Внутри пасти просматриваются зубы. У одного из кабанов ноги заканчиваются раздвоенными линиями, больше напоминающими не копыта, а окончания лап хищника с зубастой пастью и треугольным языком на этой же плите. Не исключено, что древний мастер вкладывал в эти образы сходный смысл. Исходя из даты кургана Аржан, бытование этой изобразительной традиции, вероятно, может быть отнесено не позднее, чем в самое начало I тысячелетия до н. э.

Таким образом, плиты с петроглифами из кургана Аржан-2 позволяют определить время сложения и, в какой-то мере, развития аржано-майэмирской стилистики в искусстве ранних кочевников. В заключение хочется обозначить тот круг аналогий в наскальном искусстве как ближайших, так и отдалённых территорий, хронологию которых можно скорректировать и уточнить. Образ «хэланьшаньского хищника», как и образ кабана, дополненный признаками хищного зверя, как мне кажется, может выступать своеобразным маркером территорий, включённых в процесс формирования аржано-майэмирской стилистики.

Такие специфические кабаны известны в петроглифах Хакасско-Минусинской котловины. Рисунки зубастого зверя с поджарым телом и треугольным языком найдены на плите тагарского кургана могильника Подкамень [Панкова, Архипов, 2004, с. 41, рис. 3] и на писанице Бычиха [Советова, 2005, с. 51, рис. 22-Б]. Показательно, что среди петроглифов, которые относят к тагарской культуре, многие выполнены с применением стилистического приёма, представленного на плите 1/00 Аржана-2. Для изображений копытных животных, выбитых в контурной манере, здесь характерны показанные параллельными линиями полусогнутые ноги, которые часто прерывают контур фигуры (например: [Советова, 2005, табл. 2-6, 8, 9, 11; 3-4, 5; 7-1, 2, 4; 8]). С учётом новых датировок начала тагарской культуры [Евразия в скифское время, 2005, с. 222-224; Чугунов, 2005, с. 102-104], вполне вероятно их отнести к началу I тысячелетия до н. э.

Синкретичные образы, сочетающие в себе черты кабана и хищника, известны в наскальных галереях российского и монгольского Алтая [Кубарев и др., 2005, с. 284, рис. 593; с. 545, рис. 55-3; Jacobson-Terfer et al., 2006, p. 330, fig. 863]. Показательно, что здесь же присутствуют изображения, выполненные так же, как и основной хищный персонаж плиты 1/00: внутри фигуры быка в технике рельефа показаны другие звери [Кубарев и др., 2005, с. 400, рис. 1056, 1057, 1059; с. 635, фото 55]. В Аржане-2 этот приём зафиксирован также на плите 1/02 [Чугунов и др., 2006, рис. 15]. В. Д. Кубарев и соавторы датируют такие рисунки эпохой поздней бронзы или начальным этапом эпохи ранних кочевников и усматривают в этих образах наследие окуневско-каракольского искусства [Кубарев и др., 2005, с. 92].

Далее на запад изображения зверей с языками в зубастой пасти зафиксированы на писаницах Верхнего Прииртышья [Самашев, 1992, с. 92, рис. 109; с. 110, рис. 134; 190 - 1-5], а также в Таласской долине [Гапоненко, 1963, с. 102-109]. Петроглифы Ур-Марала давно привлекают внимание исследователей и всегда приводятся в качестве примера «классики» аржано-майэмирского стиля. Действительно, образы животных здесь выполнены с соблюдением всех признаков этой стилистики. Однако то, что зубастый кабан соседствует с фигурами быка и медведя, позволяет усомниться в датировке этих изображений эпохой ранних кочевников, так как эти образы характерны для предшествующего периода. Кроме того, «классические» олени заключают внутри своего контура силуэты быка и козлов, что, как было показано выше, известно для композиций эпохи поздней бронзы Саяно-Алтая. Изображения колесниц, которые сопутствуют в Ур-Марале петроглифам в аржано-майэмирском стиле, также указывают на этот период и не должны датироваться раннесакским временем [Самашев, 1992, с. 151]. Исходя из вышесказанного, рискну предположить, что на Западном Тянь-Шане ещё в рамках предшествующей эпохи просматривается становление аржано-майэмирской традиции. Конечно, это не означает, что здесь располагалась исходная территория носителей стилистики искусства начала раннескифского времени. Регионы Казахстана и Саяно-Алтая в этот период имели тесные контакты, на что указывают многочисленные параллели как в материальной, так и в духовной культуре, что отражено в погребально-поминальной обрядности. Необходимо согласиться с Д. Г. Савиновым [1998, с. 132], что процесс становления стиля был многокомпонентен и в нём принимали участие племена различных регионов. Так, население Монголии, культура которого в предскифское время ещё очень слабо изучена, безусловно, внесло свой вклад в этот процесс. На это указывают и оленные камни монголо-забайкальского типа, и находки металлических предметов с зооморфными украшениями, выполненными в так называемом карасукском стиле. Основной ареал этих находок связан именно с районами Внутренней Азии. В Северном Китае исследованы захоронения, включающие в составе комплексов инвентаря ножи и кинжалы с зооморфными навершиями, выполненными

в этом стиле. Они датируются по шанским предметам XII–XI вв. до н. э. [Варёнов, 2005, с. 89]. Влияние стилистики этого искусства на произведения звериного стиля из кургана Аржан уже отмечалось [Савинов, 1998, с. 132–135]. Однако этим влиянием не объяснить изображения на оленнем камне из этого кургана, которые всё-таки относятся к майэмирскому (по Д. Г. Савинову) типу и оценка их, как более реалистичных, носит субъективный характер. Наиболее близкие стилю аржанского оленнего камня изображения происходят из северо-восточных провинций Китая. Они украшают бронзовые изделия, обнаруженные в памятниках типа Наньшаньгэнь, которые датированы по китайским сосудам и оружию IX – самое позднее началом VII века до н. э. При этом отмечается, что «поскольку саяно-алтайский вариант раннего звериного стиля не является ведущим в этих памятниках, а сами они по инвентарю резко отличаются от раннескифских погребений Центральной Азии, то появление исследуемых изображений следует отнести на счёт контактов с центральноазиатскими племенами» [Ковалёв, 1998, с. 122–128]. Можно предположить, что эти племена, вероятно, имели отношение к созданию комплекса Аржана. Поскольку этот памятник признавался многокомпонентным с самого начала [Грязнов, 1980], нет ничего удивительного в том, что на оленнем камне звери были выбиты в несколько иной манере, чем моделированы в бронзе. Тем более, как уже указывалось, в силу дискретности обряда, мог быть и некоторый хронологический разрыв между их попаданием в погребально-поминальный комплекс. Таким образом, снимается единственное противоречие в предложенном Д. Г. Савиновым разделении аржано-майэмирского стиля на два компонента – аржанский, связанный с юго-восточными областями Центральной Азии, и майэмирский, происходящий из более западных от Тувы областей.

Искусство времени Аржана-2 продолжает развитие аржано-майэмирской традиции. Пока что можно лишь определить, что к этому периоду относятся петроглифы, где фигуры животных дополнены элементами, напоминающими инкрустацию металлических изделий. Ярким примером таких изображений служат олени, зафиксированные М. А. Дэвлет на скалах ущелья Ортаа-Саргол в Туве [Дэвлет, 1982, табл. 14; Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005, с. 102, рис. 98]. Вероятно, аржано-майэмирский стиль продолжал существовать в искусстве до конца раннескифского времени и отошёл в прошлое только с угасанием традиции установки оленных камней. Причем, судя по рисункам на стелах из Аржана-2, возможно, на оленных камнях изображения животных постепенно исчезли ещё раньше, оставив место только обязательным атрибутам воина и неизменным символам.

Итак, исходя из представленных материалов и их анализа, можно определить время возникновения и развития аржано-майэмирской традиции в пределах IX–VII вв. до н. э. Наиболее ранние образцы стиля (оленный камень из кургана Аржан) датированы рубежом IX–VIII вв. до н. э., а наиболее поздние (плита 7/02 из кургана Аржан-2) второй половиной VII вв. до н. э. Вероятно, большинство изображений в аржано-майэмирском стиле на плитах из конструкции и насыпи кургана Аржан-2 могут быть датированы VIII – первой половиной VII вв. до н. э., но, возможно, что некоторые рисунки на них (в частности, большинство образов кабанов) выбиты в процессе их установки на кургане. Если же справедливо предположение о более ранней дате петроглифов Казахстана, то можно допустить миграцию какой-то части носителей этой традиции из более западных по отношению к Туве областей уже в начале I тысячелетия до н. э.

Библиография

- Варёнов А. В.** К датировке северокитайских памятников шилоуского типа с «карасукскими» ножами // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. – Барнаул, 2005.
- Волков В. В.** Оленные камни Монголии. – М., 2002.
- Гапоненко В. М.** Наскальные изображения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963.
- Грязнов М. П.** Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л., 1980.
- Дэвлет М. А.** Петроглифы на кочевой тропе. – М., 1982.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.** Мифы в камне: Мир наскального искусства России. – М., 2005.
- Евразия в скифское время:** радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб., 2005.

Зайцева Г. И., Чугунов К. В., Алексеев А. Ю., Дергачёв В. А., Васильев С. С., Семенцов А. А., Кук Г. Т., Скотт Е. М., Ван дер Плихт Х., Боковенко Н. А., Кулькова М. А., Бурова Н. Д., Лебедева Л. М., Юнгер Х., Соннинен Э. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб., 2007.

Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А. Оленные камни Тувы. Ч. I. Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности // Археологические вести. № 5. – СПб, 1998.

Ковалёв А. А. О датировке оленного камня из кургана Аржан // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск, 1987.

Ковалёв А. А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб., 1998.

Ковалёв А. А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М., 2000.

Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Труды САИПИ. Вып. 3. – Барнаул, 2007.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск; Улан-Батор, 2005.

Кушакова Н. А. Об одной особенности погребального ритуала ранних кочевников Центральной Азии // Материалы 12-х чтений памяти Анны Мачинской. – Старая Ладога, 2007. (в печати).

Панкова С. В., Архипов В. Н. Новые памятники наскального искусства из Южной Сибири // Археологические экспедиции за 2003 г. – СПб., 2004.

Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб., 1994.

Савинов Д. Г. Карасукская традиция и аржано-майэмирский стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб., 1998.

Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб, 2002.

Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата, 1992.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее: сюжеты и образы. – Новосибирск, 2005.

Чугунов К. В. Звериный стиль кургана Аржан-2: к постановке проблемы // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. – СПб., 2004.

Чугунов К. В. Абсолютная хронология тагарской культуры – взгляд извне // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, 2005.

Чугунов К. В. Последний год раскопок погребально-поминального комплекса Аржан-2 в Туве // Археологические экспедиции за 2004 год. – СПб, 2005а.

Чугунов К. В. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Труды САИПИ. Вып. 3. – Барнаул, 2007.

Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 году) // Археология, этнография, антропология Евразии. № 2. (10). – 2002.

Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г. Аржан-2: материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. – СПб., 2006.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980.

Chugunov K.V., Partsinger H., Nagler A. Chronology and cultural affinity of the kurgan Arzhan-2 complex according to archaeological data. // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. NATO Science Series IV. Earth and Environmental Sciences. Vol. 42. – Dordrecht; Boston; London, 2004.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythishe Fürstengrabhügel von Aržan 2 in Tuva. Vorbericht der russisch-deutschen Ausgrabungen 2000 – 2002 // Eurasia Antiqua. Band 9. – Mainz am Rhein, 2003.

Kubarev V. D., Jacobson E. Sibérie du Sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai), Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. № 3. – Paris, 1996.

Jacobson-Tepfer E., Kubarev V. D., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Haut Tsagaan Gol, Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. № 7. Vol. 1. – Paris, 2006.